

УДК 1:001
ББК 87.257.6

О. Б. Куликова

ФИЛОСОФИЯ И СУДЬБА УНИВЕРСИТЕТА КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

В статье анализируются проекты, в которых была обоснована необходимость организации университета как научно-образовательного центра, генерирующего и транслирующего высшие духовные ценности общества. В центре внимания — роль университетской философии в обеспечении единства научной и образовательной деятельности. Подчеркивается, что фундаментальность университетского образования в целом обусловлена тем, насколько эффективно философия выполняет эту функцию.

Ключевые слова: философия, университет, единство науки и образования, философский факультет, фундаментальность образования, непрерывное самообразование.

О. В. Kulikova

PHILOSOPHY AND DESTINY OF UNIVERSITY AS AN EDUCATIONAL PROJECT AND SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

The article analyzes projects, in which it was substantiated necessity of organizing university as scientifically-educational center, generating and transmitting the highest intellectual values of society. The focus is on the role of university philosophy in ensuring unity of scientific and educational activities. It is emphasized that fundamental nature of university education as a whole is determined by how effectively philosophy fulfills this function.

Key words: philosophy, university, the unity science and formation, philosophical department, fundamentality of education, continuous self-education.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.32-40

Ссылка для цитирования: Куликова О. Б. Философия и судьба университета как образовательного проекта и социокультурного феномена // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 32—40.

Citation Link: Kulikova, O. B. (2020) *Filosofiya i sud'ba universiteta kak obrazovatel'nogo proekta i sociokul'turnogo fenomena* [Philosophy and fate of the University as an educational project and socio-cultural phenomenon], *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 32—40.

Современное общество предполагает наличие множества институций и структур, которые выражают его идентичность и обеспечивают возможность адекватно отвечать на различные вызовы времени. В их ряду особое место занимает университетское образование, являясь той средой, где непрерывно культивируются и транслируются в эстафете поколений важнейшие социокультурные

смыслы, где сосредоточен основной потенциал для прорыва в новое будущее. Осуществление данной миссии, обоснованной в соответствующих проектах конца XVIII — начала XIX века, было возложено на весь комплекс вузовских дисциплин. Для философии здесь изначально была определена специфическая, но крайне значимая роль, обусловленная многими культурно-историческими обстоятельствами.

Формирование идеи классического университета и его последующая институционализация находились в русле основных тенденций развития европейского общества конца XVIII — начала XIX века, оказавшегося перед лицом серьезных социально-политических вызовов. Последствия Великой французской революции и наполеоновские войны в первую очередь здесь имеются в виду. Надо отметить также, что идеология Просвещения к концу XVIII века постепенно утрачивала потенциал европейского духовного мейнстрима.

Среди интеллектуальных исканий Просвещения важное место занимал идеал универсальной философии, оптимистичной по общему настрою, предполагавший открытие истинного познавательного метода, с помощью которого будет побежден всякий скептицизм [3, с. 142—143]. Первоначальное воодушевление в связи с чрезвычайно завышенным (по справедливому мнению Гуссерля) идеалом универсальной философии обусловило «и страстный порыв к образованию, и энтузиазм в осуществлении философской реформы системы воспитания и всех социальных и политических форм существования человечества» [3, с. 140—141]. Как ни парадоксально, результатом всего этого стало отделение в XIX веке так называемой позитивной науки от философии («устаревшей» метафизики), что существенно сказалось на судьбе обеих духовных систем.

Членов первых профессиональных научных сообществ (научных академий) объединило стремление к единой — фундаментальной — истине. Конкуренция науки с философией (как, впрочем, и с религией) по большей части проходила по линии отстаивания своих преимуществ именно как фундаментального познания. Наука в данном отношении сумела существенно укрепить свои позиции, чему в целом и способствовала вся атмосфера Просвещения. Преимуществом же философии было то, что она изначально была необходимым элементом университетского образования, пусть и не вполне самостоятельным, а наука все еще находилась на периферии образовательной сферы.

Идеология Просвещения приобрела особый радикализм как раз в обосновании необходимости расширения полномочий науки и включения ее в образовательную деятельность. Все это стало истоком будущего позитивизма, а одновременно привело к исчерпанию идейного потенциала самого Просвещения. Не случайно уже в начале XIX века Ф. В. Й. Шеллинг отмечал, что «...идейной пустоте, которая скрывается под именем Просвещения, философия противоположна более всего» [17, с. 46].

В этот исторический момент философская мысль все более стала фокусироваться на проблеме построения оптимальной модели общественного прогресса, на поиске путей развития национального самосознания в соответствии с такой моделью. В большей степени надежды связывались с обновлением системы образования и именно университетского (высшего). Пример подала революционная и послереволюционная Франция, где начала реализовываться модель практически — инженерно-технически — ориентированного образования (см.: [1, с. 283—284]). Наиболее ярким выражением этого стало создание проек-

та и учреждение в 1794 году Парижской политехнической школы. В Германии же основные усилия были направлены на разработку и реализацию модели научно-образовательного учреждения — *классического университета*.

Ключевое место среди разработок такого рода, конечно же, занимает университетский проект В. фон Гумбольдта, представленный в меморандуме 1810 года «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине». По замыслу автора новый (отличающийся от средневековых аналогов) университет должен был базироваться на принципах единства науки и образования, а также академической свободы. Следует отметить, что европейское университетское образование в XVII—XVIII веках переживало серьезный кризис. Престиж его неуклонно падал, а открытая критика схоластически-догматического формата университетской деятельности со стороны общественного мнения нарастала вплоть до предложений полного отказа от нее. Престиж университета падал, и «актуальные научные силы начиная с XVII в. преимущественно находились вне университетских стен» (см.: [1, с. 282]). Исследователи подчеркивают, что «в 1700-х гг. университет <как институт в целом> был близок к упразднению» [7, с. 830].

Гумбольдтовский проект, как известно, предполагал единение в университетской деятельности научно-образовательных и культурно-просветительских функций. Проект стал своеобразной кульминацией разработок, к которым были причастны выдающиеся представители немецкой классической философии: И. Кант, Ф. В. Й. Шеллинг, И. Г. Фихте. Модель классического университета, как верно отмечено, выросла из специфики немецкого идеализма, где вызрела идея этой институции, «в которой настоящее могло бы сплавить традицию прошлого с честолюбивой устремленностью в будущее, поместив их в единое поле культуры» [13, с. 112]. Кроме того, как справедливо подчеркнул Р. Коллинз, «идеализм стал боевой доктриной первых поколений борцов за секуляризацию, промежуточной стадией при преобразовании теологии и передаче философии в светские руки» [7, с. 802].

Одним из необходимых условий в деятельности нового университета признавалось дистанцирование от религиозных разногласий, существенно осложнявших процесс объединения германской нации. Внимание на науку было обращено именно потому, что она уже вполне зарекомендовала себя позитивно в социокультурном пространстве Европы и стала рассматриваться платформой для духовной консолидации и обновления общества. На науку делали ставку практически все, кто принадлежал к прогрессистски и патриотически настроенным общественным кругам. Надо отметить, и сама наука в тот исторический момент нуждалась в специальной поддержке, точнее, в защите от претензий богословия на владение единственной истиной (в университетской сфере — от монополизма богословского факультета). Потому на философию была возложена основная функция по поддержке науки, по укреплению ее позиций в университетском образовании.

Если в понимании того, что университет должен стать центром *научно-образовательной* деятельности в целом все создатели проектов были солидарны, то в понимании роли философии по отношению к науке не было полного единодушия. Статус философии в целом предполагалось повысить, освободив философский факультет от давления тех университетских подразделений, которые имели статус высших. Как подчеркивают исследователи, немецкая университетская

революция конца XVIII — начала XIX века довела до логического конца мятеж философии против теологии, который разгорался в средневековых университетах и был ранее проигран философией (см.: [7, с. 835]). В начале XIX века для самой философии стало возможным занять достойное место в качестве базовой университетской дисциплины.

В структуре средневекового университета философия, как известно, выступала в качестве пропедевтического курса, в рамках которого осваивались так называемые семь свободных искусств. Вслед за этим становилось возможным перейти к обучению на трех высших факультетах: богословском, медицинском или юридическом. Такая система долгое время казалась незыблемой. В конце XVIII века быстрыми темпами происходил процесс дифференциации и профессионализации научного познания. И этот непрерывно разрастающийся массив знания стал преимущественно «достоянием философского факультета, тогда как старшие факультеты, по существу, не менялись» [5, с. 6].

Даже в предложенном И. Кантом в 1798 году проекте реформирования университета («Спор факультетов») прежнюю систему еще не предлагается сломать полностью, хотя некоторые авторы именно Канта видят создателем модели нового университета [13, с. 90]. Он действительно «первым осознал методологическую роль философии в отношении научного знания, его теоретического характера и практического применения» [5, с. 7]. По мысли выдающегося немецкого мыслителя, роль философии состояла в предварительной обработке сознания для последующего усвоения знаний специального характера на других факультетах. Однако Кант все-таки наметил стратегию постепенного усиления значения философии в университете в противостоянии обскурантизму, обусловленному верховенством богословского факультета [6, с. 38—39]. Он был совершенно уверен в обязательности философского факультета [6, с. 70], который «служит для того, чтобы контролировать три высших факультета и тем самым быть полезным им, ибо важнее всего *истина* (существенное и первое условие учености вообще); *полезность* же, которую обещают правительству высшие факультеты, есть лишь второстепенный момент» [6, с. 70].

И. Г. Фихте также разрабатывал программу обновления университетского образования, с которым он напрямую связывал возрождение немецкой нации. Его модель наукоучения предстала в первую очередь и именно как «образовательная программа развития общества» [2, с. 120]. По мысли Фихте, новое образование «есть образование способности познания воспитанника» о существующем порядке вещей, познание высокого философского уровня «о законах, в соответствии с которым необходим данный порядок вещей» [15, с. 76]. Для философии Фихте определил особую функцию — формирование у молодого поколения установок на непрерывное познание мира и, значит, на саморазвитие [15, с. 231—232]. Его обращение к нации имело серьезный общественный резонанс. Р. Коллинз со всей определенностью подчеркнул, что «именно программу Фихте, очищенную от политической утопии, стал осуществлять Вильгельм фон Гумбольдт, один из слушателей лекции Фихте в 1808 г.» [7, с. 840]. Фихте, как известно, по рекомендации Гумбольдта и стал первым ректором Берлинского (нового) университета.

Одним из «самых значительных первопроходцев, развернувших знамя нового университета», стал также и Ф. В. Й. Шеллинг [16, с. VII], проект которого в определенной степени созвучен кантовскому. Шеллинг с сожалением конста-

тировал, что университеты еще не являются «всеобщими образовательными учреждениями» [17, с. 25], но должны стать базой для реализации модели *научного образования*. Миссия университета, утверждал немецкий философ, состоит в том, чтобы передать (преподать) не готовые знания, а способ их достижения, приобщить студента к *научному Целому* (см.: [17, с. 24]).

Шеллинг особо остановился и на роли философии, которая, по его мнению, «есть *наука об идеях*, или вечных прообразах вещей» [17, с. 44]. Без нее, утверждал философ, наука невозможна, и «нет такой науки, которая представляла бы в самой себе противоположность философии — скорее, все науки едины именно благодаря философии и в философии» [17, с. 49]. Он считал, что от философии нельзя ожидать непосредственную пользу, это унизило бы «достоинство данной науки», которая «сама признала себя свободной от отношения полезности», она существует ради себя самой, ибо «быть ради чего-то другого означало бы непосредственное упразднение ее сущности» [17, с. 44].

Усилиями классиков немецкой философии, таким образом, была проведена огромная работа по формированию позитивного общественного мнения в отношении университетов. Каждый из них при этом внес свой вклад в обоснование взаимосвязи научной и образовательной деятельности в университете, а главное, значимости философии для такого единения. И если «Канта интересовал вопрос о порядке наук в университете, а Фихте — вопрос о направлении и методах университетской Науки, Шеллинг пытается объединить эти вопросы университетских наук и образования под единым руководством философского знания» [16, с. LV].

Университетская философия обеспечивала определенный «уровень абстракции и рефлексии», что создает и сохраняет естественную интеллектуальную среду для научно-исследовательской деятельности. Иначе, как отмечал Коллинз, место философов — «интеллектуала общего назначения» — заняли бы «литературные или политические интеллектуалы», что означало бы низведение культуры до уровня мирской аудитории [7, с. 834]. Мирские интеллектуалы с сырой неразработанной аргументацией, как справедливо указывал он, — это непрофессионально ориентированные интеллектуалы (см.: [7, с. 836]).

Развитие самой философии в целом «зависело от выживания университета» [7, с. 834]. С другой стороны, судьба нового — научно ориентированного — университета во многом определялась развитием философии. Не случайно «основная битва, которая шла в Германии с 1780-х до начала 1800-х гг., велась за реформирование положения философского факультета в университете» [7, с. 835].

В создании проекта классического университета заметное и весьма неординарное место принадлежит М. В. Ломоносову. Свой замысел, как известно, он осуществил значительно раньше немецких аналогов — еще в середине XVIII века. Русский ученый, безусловно, связывал с деятельностью университета решение в России ключевых социокультурных и политических задач. Задумывался он также и о роли философии в университете, признавая необходимость ее как особой образовательной дисциплины. Для него философия являлась системой знаний о природе высокого теоретического уровня. По сути, теоретическую физику он и считал *натуральной философией*, отведя ей ключевое место в университетском образовании [10, с. 534—535]. То есть он мыслил еще вполне по-ньютоновски, в духе «Математических начал натуральной философии».

Потому атомизм Ломоносов называл *методом философствования*, который, как никакой другой, по его словам, может «яснее и полнее объяснить сущность материи и всеобщего движения» [8, с. 119].

Знаменательным здесь является то, что в проекте М. В. Ломоносова о теологическом факультете речи вообще не шло. Такое «умолчание» можно объяснить тем, что русский ученый был хорошо знаком со всеми издержками европейского университетского образования и стремился избежать этого на российской почве. Еще в 1748 году (он уже тогда вынашивал соответствующий замысел) в одном из писем великий русский ученый заявлял: «В университете неотменно должно быть трем факультетам: юридическому, медицинскому и философскому (богословский оставляю синодальным училищам)» [9, с. 460]. В официально принятом проекте университета прямо указывалось: «Хотя во всяком Университете кроме философских наук и юриспруденции должно также предлагаться быть богословские знания, однако попечение о богословии справедливо оставляется святейшему Синоду» [11, с. 289].

Отсутствие богословского факультета в университетах России обусловлено было также тем, что большинство первых профессоров составляли иностранцы, а еще точнее — иноверцы. Потому «Российское правительство, понимая необходимость такой зависимости на начальном этапе, хотело оградить православное богословское образование от инославных влияний и предпочло стимулировать его самостоятельное развитие под попечением Русской православной церкви» [14, с. 273].

История российских университетов была тесным образом связана со всеми коренными поворотами российской жизни. Статус университетской философии при этом был в особой и весьма тесной зависимости от идеологических факторов. Философии, по сути, государством напрямую предписывалась идеологическая функция. При этом, однако, именно она чаще всего назначалась ответственной за рост нежелательных общественных настроений (например, в середине XIX века), и потому налагался запрет на преподавание философии в университетах. Или же, напротив, она подвергалась резкой критике за служение неким отжившим идеалам, как стало считаться в послеоктябрьский период XX века.

Справедливо отмечено, что в многотрудной истории отечественной культуры примечательна именно судьба философии, которая «то изгонялась из вузов, когда власть в ней узревала источник опасности для себя, то принудительно насаждалась, когда опять же власть видела в ней инструмент для изготовления пригодной для своего существования культурно-социальной среды» [12, с. 141].

Вузовская реформа в современной России остро ставит проблему обеспечения должного интеллектуального развития общества, культурной идентичности, технологической, экономической независимости. Странно, что в связи с этим в определенной мере ставится под сомнение необходимость университетской (вузовской) философии. Это находится в противоречии с самой идеей формирования интеллектуала, ориентированного на непрерывное самообразование.

Наиболее уязвимым в этой связи может оказаться будущее науки. Университетская наука является своеобразным драйвером научного познания в целом. Именно в вузовской среде концентрируются активные интеллектуальные ресурсы общества, а значит, здесь всегда присутствует дух свободного научного поиска. Вузовская и академическая формы развития научной деятельности находятся в неразрывной связи. Академическая наука выступает в определенной

мере основанием вузовской, благодаря чему в систему университетских исследований прививаются научные традиции. В вузовской же научно-исследовательской деятельности заключен потенциал обновления — своеобразная прививка против неизбежно возникающих в академической среде элементов догматизма.

Философия не может здесь утратить своих значимых функций. Нельзя в угоду «новым тенденциям» отказаться от того, что составляет ее сущность — возможность выходить на уровень всеобщего в отношениях с миром и открывать новые горизонты в освоении мира. Философ, по словам Д. И. Дубровского, осознает то, что «всегда стоит на краю бездны незнания», а также и то, что «чем шире и глубже становятся знания, тем больше возникает проблем» [4, с. 148]. В этом состоит преимущество философского мировидения с его неизменно критической и одновременно конструктивной установками.

Фундаментальность университетского образования не может не быть обусловлена ролью философии, которая сделала возможным единение обучающего и научно-исследовательского компонентов в подготовке профессионалов высокого уровня. Занятия философией способствуют приобретению особого опыта — опыта построения интегральных смыслов человеческого бытия. В условиях, когда многие выпускники вузов трудоустраиваются в сферах, не связанных напрямую с полученной специальностью, это становится крайне необходимым. Философское основание обеспечивает системность и в равной мере многоплановость творчества, способствуя мотивации будущего специалиста к непрерывному самообразованию и эффективной самоорганизации, открывая тем самым и новые перспективы для развития общества. В этом и состоит главная миссия университета, о которой вели речь в своих проектах великие мыслители и ради которой он учреждался.

Библиографический список

1. *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
2. *Громыко Н. В.* Немецкая система университетского образования: вклад И. Г. Фихте // Высшее образование в России. 2009. № 2. С. 120—126.
3. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию (главы из книги) // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136—176.
4. *Дубровский Д. И.* «Самодельные» философы наступают! // Вестник РФО. 2008. № 3. С. 145—150.
5. *Калинников Л. А.* О «Споре факультетов» как итоге: профессорско-педагогическом, философско-мировоззренческом, валеолого-диететическом // Кант И. Спор факультетов: пер. с нем. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 3—24.
6. *Кант И.* Спор факультетов: пер. с нем. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 286 с.
7. *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
8. *Ломоносов М. В.* [276 заметок по физике и корпускулярной философии; темы будущих работ] // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950—1983. Т. 1: Труды по физике и химии, 1738—1746. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 103—167.
9. *Ломоносов М. В.* Письмо В. К. Тредиаковскому // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734—1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 460.

10. Ломоносов М. В. Программа // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 1: Труды по физике и химии. 1738—1746 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 534—535.
11. Об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением Высочайше утвержденного проэкта по сему предмету // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XIV. № 10346. СПб., 1830. С. 284—287, 289—294.
12. Порус В. Н. Странная солдатская песня — соло в пустоту // Вестник РФО. 2008. № 3. С. 133—141.
13. Ридингс Б. Университет в руинах: пер. с англ. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
14. Сухова Н. Ю. Государственная политика России в сфере высшего духовного образования (XVIII — начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/4 (64/4). С. 235—242.
15. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации: пер. с нем. СПб.: Наука, 2009. 350 с.
16. Фокин И. Л. Университетская реформация Шеллинга // Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования: пер. с нем. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. 352 с.
17. Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования / пер. с нем. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. 352 с.

References

- Andreev, A. U. (2009) *Rossijskie universitety XVIII — pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy* [Russian universities of the XVIII — first half of the XIX century in the context of European University history], Moscow: Znak.
- Gromyko, N. V. (2009) Nemeckaya sistema universitetskogo obrazovaniya: vklad I. G. Fihte [The German system of University education: the contribution of Fichte], *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], no. 2, pp. 120—126.
- Husserl, E. (1992) *Krizis evropejskih nauk i transcendent'naya fenomenologiya. Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu (glavy iz knigi)* [The crisis of European Sciences and transcendental phenomenology. Introduction to phenomenological philosophy (chapters from the book)], *Voprosy filosofii* [Question of philosophy], no. 7, pp. 136—176.
- Dubrovskij, D. I. (2008) «Samodel'nye» filosofy nastupayut! [«Self-made» philosophers are coming], *Vestnik RFO* [Bulletin of the Russian philosophical society], no. 3, pp. 145—150.
- Kalinnikov, L. A. (2002) О «Spore fakul'tetov» kak itoge: professorsko-pedagogicheskom, filosofsko-mirovozzrencheskom, valeologo-dieteticheskom [About the «dispute of faculties» as a result: professorial-pedagogical, philosophical-ideological, valeological-dietetic], in Kant, I. *Spor fakul'tetov* [The dispute of the faculties], Kaliningrad: Izd-vo Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 3—24.
- Kant, I. (2002) *Spor fakul'tetov* [The dispute of the faculties], Kaliningrad: Izd-vo Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Kollinz, R. (2002) *Sociologiya filosofij. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of philosophies. Global theory of intellectual change], Novosibirsk: Sibirskij hronograf.
- Lomonosov, M. V. (1950) 276 zametok po fizike i korpuskulyarnoj filosofii; temy budushchih rabot [276 notes on physics and corpuscular philosophy; topics for future work], in Lomonosov, M. V. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, vol. 1: Trudy po fizike i himii. 1738—1746 [Works in physics and chemistry. 1738—1746], pp. 103—167.
- Lomonosov, M. V. (1957) Pismo V. K. Trediakovskomu [Letter To V. K. Trediakovsky], in Lomonosov, M. V. *Polnoye sobraniye sochinenij* [Complete works]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, vol. 10: Sluzhebnye dokumenty. Pis'ma. 1734—1765 [Complete works in 10 volumes, vol. 10: Official documents. Letters. 1734—1765], p. 460.

Lomonosov, M. V. (1950) Programma [Program], in Lomonosov, M. V. Poln. sobr. soch.: v 10 t. [Lomonosov M. V. complete works in 10 volumes.], Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, vol. 1: Trudy po fizike i himii. 1738—1746 g [Vol. 10: Official documents. Letters. 1734—1765], pp. 534—535.

Ob uchrezhdenii Moskovskogo universiteta i dvuh gimnazij. S prilozheniem Vysochajshe utverzhdennogo proekta po semu predmetu (1830) [About the establishment of the Moscow University and two gymnasiums. With the application of a Highly approved project on this subject (1830)], in Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire], St. Petersburg, collection 1vol. XIV, N 10346, pp. 284—287, 289—294.

Porus, V. N. (2008) Strannaya soldatskaya pesnya — solo v pustotu [Strange soldier's song — solo into the void], *Vestnik RFO* [Bulletin of the Russian philosophical society], no. 3, pp. 133—141.

Ridings, B. (2010) *Universitet v ruinah* [The University in ruins], per. s angl. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshej shkoly ekonomiki.

Suhova, N. U. (2009) Gosudarstvennaya politika Rossii v sfere vysshego duhovnogo obrazovaniya (XVIII — nachalo XX vv.) [State policy of Russia in the sphere of higher spiritual education (XVIII — early XX centuries)], *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai state University], no 4/4 (64/4), pp. 235—242.

Fihte, I. G. (2009) *Rechi k nemeckoj nacii* [Speeches to the German nation], St. Petersburg: Nauka.

Fokin, I. L. (2009) Universitetskaya reformaciya SHellinga [Schelling's University reformation], in Schelling, F. Lekcii o metode universitetskogo obrazovaniya [Lectures on the method of University education], St. Petersburg: Izdatel'skij dom «Mip».

Schelling, F. (2009) Lekcii o metode universitetskogo obrazovaniya [Lectures on the method of University education], St. Petersburg: Izdatel'skij dom «Mip».

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Куликова Ольга Борисовна — кандидат философских наук, доцент, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, г. Иваново, Россия, kulickovaolg@yandex.ru

Information about the author

Kulikova Olga Borisovna — Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin, Ivanovo, Russian Federation, kulickovaolg@yandex.ru